

Л.А. Еремина

Страницы жизни семьи К.К. Костанди

Материалы, использованные в данной публикации, хранятся в семейном архиве наследников художника Кириака Константиновича Костанди. Ознакомьтесь сегодня с этими бесценными документами мы можем, прежде всего, благодаря Павлине Викентьевне Пиотровской (г.р. 1932), вдовы внука Костанди, сына Любови Кириаковны – Андрея Николаевича Хршановского (1926-2012), а также правнуков художника Елены Андреевны (г.р. 1959) и Александра Андреевича (1962-2005). На протяжении всей совместной жизни с Андреем Николаевичем Павлина Викентьевна с беззаветной преданностью заботилась о сохранении памяти о художнике и членах его семьи, берегла и пополняла семейный архив. Сохранены «Воспоминания об отце» сына Костанди – Михаила, которые были изданы в 2002 г. После публикации «Воспоминаний об отце» семьей было

подарено музею десять работ Михаила Кириаковича Костанди – талантливого художника, рисовальщика и акварелиста. Его произведения знакомят нас с многолюдными улицами Москвы, где он прожил пятьдесят лет, с ее точно отражающими время архитектурными особенностями – величественными домами 1930-1950 годов. Здесь и самобытные виды Армении, где ему приходилось работать как архитектору. Поражают сочные натюрморты, удивительно тонкие пейзажи, выполненные на природе.

Теперь публикуются воспоминания дочери – Любови Кириаковны (1897-1988). Воспоминания Любови Кириаковны также написаны в конце ее жизни. Удивительно то, что брат и сестра, исполнив свой долг памяти, оба ушли из жизни в один год, в 1988 году. Михаил Кириакович – в апреле, а Любовь Кириаковна – в сентябре.

А.Н. Хршановский, Л.А. Еремина, П.В. Пиотровская. Одесса, 2002

В публикации сохранены особенности авторского стиля.

**ВОСПОМИНАНИЯ ЛЮБОВИ
КИРИАКОВНЫ КОСТАНДИ,
ДОЧЕРИ ХУДОЖНИКА
(В ЗАМУЖЕСТВЕ ХРШАНОВСКОЙ)**

Мой отец, К.К. Костанди, родился в семье беженца-грека. Семья бежала от турок и обосновалась в окрестностях Одессы. Занимались они рыбной ловлей. Мы, дети, знали, что у него было тяжелое детство, хотя отец никогда и не говорил об этом. Нас, своих детей, он очень баловал, а он был мальчиком на посылках в погребке, прислуживал. Рисовать любил с детства. Рисовал углем на заборе. Говорят, что именно эти рисунки увидел Айвазовский и помог ему. Учился отец вначале в воскресной художественной школе. Учиться начал в 18 лет. Эта школа находилась во дворе художественной школы по ул. Преображенской. Рисунки отца очень нравились греку-богачу Вучине. Он дал денег, и отца отправили учиться в Петербург. Но попал он в Академию [художеств – Л.Е.] не сразу, так как у него не было достаточного образования. Он часто писал своей матери. Его отец, мой дедушка, еще до этого, кажется, погиб в море, когда рыбачил. Отец даже присылал матери немного денег, зарабатывая, давая уроки рисования. У него было два брата и две сестры. Один брат рано умер от чахотки, а второй – Василий, поступил на газовый завод мальчиком. Затем выдвинулся и стал на этом же заводе работать бухгалтером. У Василия было три дочери – одна работала врачом, другая – учительницей. Один из сыновей (Юрий) преподавал математику в сельскохозяйственной школе, а второй (Леонид) как-то попал в Латвию. Его дети живут там и сейчас. Фамилию Костанди они сохранили, а национальность поменяли – стали латышами [Думаю, она уже не помнила точно страну их проживания, так как известно, что они жили в Таллинне (Эстония) – Л.Е.].

Когда отец закончил учебу в Петербурге, он получил назначение в Одесскую рисовальную школу. Две его сестры жили в то время в доме купцов Князевых. Отец познакомился

с дочерью Князевых. Она была очень красивой, и отец попросил у ее матери разрешение написать ее портрет. Она позирует в белом платье. Портрет этот очень красив и находится в настоящее время у моего брата Михаила. Молодые люди полюбили друг друга. Но отец был бедным художником и, хотя ее мать была не против этого брака, ее родственники были против. Мать посоветовала венчаться тайком. Венчались они в соборе, свидетелем у отца был художник В. Бальц. Шли они из собора пешком и по совету матери сразу же уехали в Киев. Для того времени выйти замуж за неизвестного художника было смелостью. Вскоре молодые вернулись, и для них в доме моей бабушки уже была приготовлена и обставлена квартира. Мать моя долго не беременела. Ее даже возили в Киев к врачам. Но затем было употреблено народное средство против бесплодия и дети посыпались. Бабушка не ошиблась в моем отце. Она очень любила внуков и первых троих воспитывала сама – брала их к себе домой. Жили отец с матерью хорошо, во всяком случае, я никогда не слышала [неразб. – Л.Е.].

Первой родилась моя сестра Анна (28.11.1890 – умерла в 1959).

Она преподавала языки в школе – французский, немецкий, а позднее украинский. В 1918-1919 гг. была даже заведующей школой. Она была хорошей учительницей, имела медаль «За трудовую доблесть». Она умела хорошо себя держать и я ее называла дамой-патронессой... Жила она в Каретном переулке. Первый раз она вышла замуж за учителя-вдовца, пошла на двоих детей. Она всю жизнь любила художника Стилиануди, но он был уже женат. Когда у него умерла жена, она вышла за него и очень они любили друг друга. Но это был поздний брак и детей у них не было. Затем Стилиануди заболел, у него был рак желудка; ему сделали операцию, после которой он в скором времени и скончался. После смерти мужа Анна – мы ее называли Нюся – переехала в Некрасовский переулок. Умерла в 1959 г.

Вторым ребенком был сын Павел. Он родился 8.01.1892 г. – репрессирован в 1937 г. (всего детей было восемь человек: пять дочерей и три сына). Окончив университет в Одессе, он работал врачом (биолог) в Одессе,

а затем в Херсоне. Был женат на Надежде Васильевне Булгаковой, дочери нотариуса. У них были две дочери – Елена и Раиса. Художественными способностями Павел не обладал, любил кроить одежду. Работая врачом, не хотел брать денег с больных. Отец ему говорил: «А на что ты будешь жить? Что ты думал, когда выбирал профессию»? Затем Павел ушел с лечебной работы и работал бактериологом. Когда отец тяжело заболел, он приезжал к нему, а работал он тогда в Гайсине. Но на похоронах отца он не был. Папа очень любил детей и ко всем относился одинаково хорошо.

Третьим ребенком стал второй сын – Андрей, который родился 10.10.1893 г. (умер в 1916 г.). Он окончил реальное училище на ул. Садовой, а затем в Варшаве окончил сельхозучилище. Ему очень нравились работы на земле. Даже живя в Одессе, он разводил коз. Жили мы тогда на ул. Херсонской, 46. В передней было много растений, вроде зимнего сада. Он также разводил кур. Он был очень способен к математике, впрочем, как и все дети в нашей семье. После Варшавы он жил в Москве, где его и взяли в армию. Однажды летом на даче мы получили письмо с карточкой, где было подписано «Юнкер Костанди». Это была большая неожиданность. Мама расплакалась и сказала отцу: «Кирюша, поезжай в Москву и узнай, в чем дело». Отец поехал в Москву, но ему сказали, что он уже в армии (это было в 1914-1915 гг.). Служил он в армии в Риге, потом попал в армию, которая шла на Колчака. Мы все очень беспокоились. Его очень любила одна девушка, которая сказала отцу, чтобы он выкупил его из армии и дал кому-то там 1000 рублей, но отец не пошел на это. Женат Андрей не был и погиб от сыпняка, в г. Нижне-Уральске. Уже при советской власти мы получили письмо оттуда. Писала девушка о том, что вся ее семья болела сыпным тифом, а Андрей стоял у них на квартире и за всеми ухаживал и заразился сам. Писала, что он был прекрасным человеком и что она ему обязана жизнью. Вспоминается еще, что Андрей никогда не сидел без дела – переплетал книги, собирал гербарии, коллекции бабочек, выпиливал по дереву, хорошо играл в шахматы и даже получил какую-то медаль за это.

Четвертым ребенком в семье была сестра Елена. Родилась она 29.04.1895 г. (умерла в 1985 г.). От рождения она была болезненной. Вечно ее лечили, на даче ей разрешали спать, сколько она хотела. Она окончила гимназию № 4 (Гиршбрама) на Новосельской, а затем поступила в парфюмерную фирму Лемме. Работала она в конторе, но очень недолго. Летом она со всеми нами ехала на дачу. Работала потом дома, переписывала какой-то морской словарь для какого-то историка морского флота. Я и сама делала для него выписки и рисунки из старых книг в Публичной библиотеке, которые не выдавали домой. Тогда в библиотеке работал Дерибас, я была знакома с его сестрой. Он составлял «Историю флота», а я перерисовывала тушью рисунки для клише. Я тогда училась в художественной школе и работала по два часа в день, получая приличные деньги, так как мне стыдно было для своих нужд просить денег у отца. Вышла замуж Елена уже после смерти отца за художника В. Синицкого. В память об отце мама приютила и подкармливала трех учеников отца – Синицкого, Мошталева [Г.А. Машталера – Л.Е.] (он потом стал врачом) и [В.А.] Цымпакова. Хотя времена тогда были тяжелыми, мы получали академические пайки, и мама обязательно хотела помочь ученикам своего мужа. Кроме пайка за нашей семьей оставили квартиру при музее, чтобы еще как-то помочь нашей семье. Моего брата Михаила сделали директором художественного музея, хотя он в то время был только учеником архитектурного отделения художественной школы. Правда, тогда эта школа была высшим учебным заведением. Средним она стала потом. Историю искусств в этой школе преподавал Лазурский, написавший первую биографию отца.

Пятым ребенком в семье была сестра Мария, родившаяся 12.08.1896 г. Она родилась в один день с Володей Синицким. Она окончила гимназию и работала в обществе помощи туристам (Укртуве). У них была столовая на 9-й станции Фонтана, работала она там бухгалтером. Замуж она не вышла, страдала головокружениями, умерла в 79 лет 27.11.1976 г. После нее родилась еще девочка, но она умерла в младенчестве. Жили мы тогда летом на даче, за детьми смотрели две няни и

кухарка. И вот кто-то из них дал маленькой девочке вареник, она его съела и умерла от заворота кишок. Папа узнал об этом и выгнал этих трех женщин.

Следующей родилась я, это было 24.09.1897 г. [умерла в 1988 г. – Л.Е.]. Училась в той же четвертой гимназии, где учились и остальные дети. Отец в этой же гимназии преподавал рисование и мы все (я, Сима, Маруся и Леся) учились в ней бесплатно, как дети преподавателя. Это было большим подспорьем для отца, т.к. учение стоило дорого. Отец говорил: «Главное приданое в голове». После окончания гимназии я поступила в художественную школу. Это случилось благодаря скульптору Мормоне (он уехал за границу). Увидел он мою лепку и сказал: «Давайте ее ко мне». Помню, как я рисовала голову Фавна, привезенную отцом. На экзамене в школе мало было за три часа нарисовать женскую головку. Я рисовала карандашом, но ко мне подошел Дворников и сказал, что рисовать надо углем, т.к. карандашом я не успею. Я обиделась на отца, что он мне не сказал об этом. Попала я сразу в 3 класс, т.к. часто рисовала, начиная с 13-14 лет. В третьем классе утром мы занимались у Попова (рисовали натурщиков), а вечером рисовали с гипсов и занятия вел Дворников. Рисовала я всегда очень быстро. Дворников поправлял только тени. Вместе со мной учился Петя Васильев. Потом он уехал в Москву и стал знаменитым художником. Обижалась я на отца и за то, что меня приняли сразу в третий класс. Я плакала, когда у меня рисунок не получался. В третьем классе было стыдно, тем более, все знали, что я дочь художника. Но отец сказал мне, что пока мои работы в третьем классе не будут лучшими, в четвертый класс меня не переведут. Я начала усиленно заниматься, и хотя мои многие соученики переходили в четвертый класс уже через несколько месяцев, папа долго не хотел переводить меня, хотя его об этом просил Дворников. Папа говорил: «Пусть посидит». Училась я [в третьем классе] до 1916 г. Все, что говорили о моих работах, я знала, т.к. при советской власти в обсуждении работ учеников [они] принимали участие, и сами ученики мне все рассказывали.

В 1917 г. меня перевели в 4 класс. Учил меня Дворников. Утром мы красками писали натюрморт, а вечером рисовали гипсовые фигуры. Потом началась реорганизация школы, и я попала в класс своего отца, это тоже был четвертый класс. По краскам я шла лучше, чем по рисунку. У папы я долго не сидела. Написала три натюрморта и меня перевели в 5 класс. В нем я встретила с Синицким и Цымпаковым. Отец говорил: «В натуре найди светлую точку и начинай с нее». Первая натурщица была девушка, второй – черный человек, натурщик. Писала я мелкими мазками. Потом папа заболел и ученики к нему приходили домой. Приходили лучшие – Синицкий, Цымпаков, Мошталева [Машталер]. В это время в гимназии заболела учительница рисования, и я пошла заменять ее. Папа в это время там уже не работал. На педагогический совет я ходить стеснялась, т.к. была очень молодой. Проработала я там всего полгода и уехала на дачу.

Художественную школу я к этому времени еще не окончила. Однажды ко мне прибежала племянница профессора Кальфы и просит меня пойти преподавать рисование в 4 трудшколе (в Карантинном переулке). Рисование тогда было во всех классах школы, но было трудно с бумагой. Рисовать было не на чем. Я из дому приносила детям бумагу. В школе я получала и питание. Потом предложили мне работать и в 25 школе. Папа в это время был уже очень болен, и говорил, что ему не нравится, что я увлекаюсь преподаванием. «Выздоровею, – говорил он, – и мы поедем с тобой на этюды»... Работала я в школе очень много, на две ставки. Надо было жить. Увлелась я преподаванием по-настоящему, полюбила детей и свою работу. Возвращалась я с работы с хорошим настроением. В школе № 25 учились дети грузчиков. Мне их было очень жаль. Я водила их на природу, устроила в этой школе живой уголок и вообще любила возиться с детьми.

Еще в 8 классе гимназии, когда нам предложили выбрать профессию, учительница мне сказала, что тебе надо быть учительницей, т.к. ты любишь возиться с детьми. Работала я в школе, пока не вышла замуж, вернее, пока не забеременела.

Потом мы с мужем переехали на работу в Новоукраинку, я и там преподавала в школе рисование, хотя муж и не хотел, чтобы я работала. Не работала я только три года, и когда моему 9-ти месячному сыну потребовалась серьезная операция, и я ухаживала за ним.

*Костанди Любовь Кириаковна
(в замужестве Хриановская). 1952 г.*

После этого я опять преподавала в школе. Бросила я работу после того, как поругалась с зав. школой, которая предложила мне преподавать на украинском языке (это был период украинизации). Она говорила, что если я буду говорить неправильно, то меня будут исправлять ученики. Но я не хотела, чтобы мои ученики меня исправляли. Бросила я работу в школе за 3-4 года перед войной. Мой муж работал зав. санстанцией, и когда у него заболел фельдшер, я стала помогать ему. Была счетоводом на станции, а позже бухгалтером межрайонной санстанции, и работала там до самой войны. Потом уехала в эвакуацию, попала к мужу в воинскую часть и вместе с ним была в армии до 1944 года. Я заболела тропической малярией, и муж привез меня больную в Одессу, и я в армию уже не вернулась. Муж был в армии до 1947 г. Я ездила к нему в Кенигсберг. В Одессе я долго болела и уже не работала, сын мой был болен. Потом

вернулся муж и до самой своей смерти работал в больнице моряков.

Следующим ребенком была сестра Серафима. Родилась она 30.07.1900 г. (умерла в 1970 г.). Гимназию она не окончила. Ушла из седьмого класса, время было тяжелое. Отец устроил ее в библиотеку при музее, там она и работала. Потом окончила курсы библиотекарей и работала в детском отделе библиотеки на ул. Троицкой и проработала там до самой своей смерти. Умерла она от рака груди. Оперировал ее Наливкин, а второй раз – Целавиус. Семьи у нее не было, мать держала ее при себе. Я говорила маме: «Зачем ты ее держишь при себе?» Это не помогло, мама ее никуда не пускала, боялась остаться одной. Из всех детей у Симы жизнь была самой тяжелой. Она все время жила под страхом (между операциями прошло 9 лет).

Последним ребенком в семье был брат Михаил. Он родился 5 ноября 1901 г. (умер в 1988 г.). Он окончил Ришельевскую гимназию и поступил в художественную школу на архитектурный отдел [архитектурное отделение – Л.Е.]. В это время умер наш отец и его назначили директором музея, чтобы помочь нашей семье. Ему помогали художники. После окончания учебы он женился и с женой Софьей уехал в Москву, где и работал архитектором. Его все знали. Вернулся в Одессу только в 1977 г., жена его умерла, и он захотел быть поближе к родным.

Моя мама родилась в 1865 году (умерла в 1947 г.), вскоре после смерти своего отца. Он был купцом третьей гильдии. Торговали они, кажется, романовскими полушубками и жили на Пересыпи в собственном доме. Мать в молодости рисовала, но не училась. Так, сама по себе, и было это до появления детей. Рисунков ее я не видела, но был набросок отца – мама в имении Кузнецовых рисует. Но это было не серьезно, она просто баловалась. До появления детей мама ездила в имение к Кузнецовым, с которыми отец до женитьбы поддерживал дружеские отношения и даже ездил с ними за границу. Потом мама занималась хозяйством и детьми, хотя у нас была прислуга. Большое значение в жизни нашей семьи занимала дача. Отцу надо было писать природу. Он сразу нанимал дачу

на 16-й станции в одном из домов, принадлежащих монастырю. Поэтому он часто писал монахов. Рядом с домами монастыря была большая дача Вучины. Ее купил один очень предприимчивый человек, Зусман, и разделил на многие участки, один из которых и купил отец. Купила там дачу и семья Хршановских, один из их сыновей стал впоследствии моим мужем. Для всех дач была общая аллея и общий спуск к морю. Папа купил небольшой домик – всего 5 комнат и 2 веранды, это был дом садовника. Потом отец увеличил веранду, на втором этаже был большой балкон. Папа очень часто писал, сидя на нем. С балкона было видно море. С этой дачей была целая история: ее у отца отобрали и сказали, что выбирайте себе любую дачу на Французском бульваре. Но отец заявил, что ему нужна его собственная дача. Однажды отца встретил один из его учеников по художественной школе и сказал: «Не волнуйтесь, я Вам помогу». И действительно, через несколько дней мы получили бумагу из райисполкома – нам разрешили выехать на нашу дачу. Но все наше имущество надо было переписать. Мы тогда жили в музее. С нами поехала и Анна Константиновна Демидова, жена профессора с/х [сельскохозяйственного] института, она была учительницей. Мы наняли биндюжника с платформой и поехали на дачу. Но там жил Кевим – татарин. Было даже специальное постановление облисполкома о передаче нам этой дачи. После смерти отца дача была оставлена за нашей семьей. В газете «Вечерние известия» за 2.07.1928 г. появилась заметка, что ввиду исключительных заслуг отца дача передается в пожизненное пользование семье художника. Правда, дачу впоследствии все-таки отобрали у нас, предложили другую, но Сима отказалась.

Целое лето отец на даче писал, мама принимала гостей, а их было много: родственники, художники – друзья отца, друзья наши – детей. Отец пристроил две отдельные кухоньки и отдельно прачечную. В кухоньках жили мои братья или гости. Целое лето, например, гостил художник Бальц, мне тогда было лет 13-14. Гостили Куковеров, художник Волокидин. Особенно часто гостила его жена. С питани-

ем никто не считался, накрывали иногда два стола. Когда мы были одни, каждый из нас за столом знал свое постоянное место. Отец садился за стол только тогда, когда вся семья уже была в сборе. Часто бывал у нас Нилус. Мама сватала ему мою двоюродную сестру, но у нее ничего не вышло. Мама крестила с Нилусом ребенка у нашей молочницы. Но, пожалуй, чаще всех на даче бывали Стилиануди и Эгиз, они были очень дружны между собой и обычно приезжали вместе, чаще всего, в субботу, когда отец был свободен. Однажды приехал художник Николай Кузнецов. Родителей на даче не было, а мы, дети, играли в карты. Карты были старые и грязные. Он тоже начал играть с нами и через несколько дней прислал нам несколько колод новых карт. Мама говорила: «Какой позор! Им прислали карты!» Многие художники, да и другие наши гости, очень любили нашего отца и, чтобы сделать ему приятное, дарили нам разные вещи. Был такой богач художник-любитель Петрокино. У него был круглый дом на Греческой площади. Так он подарил отцу квартиру с мастерской, но мы там не жили – было очень сыро. К Рождеству всем детям он преподносил богатые подарки. Когда он умер, его жена Екатерина Корнеевна жила бедно. Но она говорила, что покойный муж приказал ей и после его смерти дарить нам подарки. Папа крестил его троих детей и троих детей моего отца крестил Петрокино. И вот портреты этих троих детей папа подарил ему. Эта картина была у него до самой его смерти, затем его жена подарила ее моей сестре Нюсе, после смерти которой она перешла ко мне и висит сейчас в моей комнате. Моей сестре Анне Петрокино завещал 2000 рублей. У него на 16 станции тоже была дача, очень роскошная. Да, еще надо сказать, что Екатерина Корнеевна брала уроки рисования у отца.

Надо сказать, что в те времена очень часто богатые люди брали у отца уроки рисования. Папа брал за уроки дорого – 5 рублей за час, но от учеников отбоя не было. Ему это надоедало, но все же народу к нему ходило много. Профессор Снежков взял дачу рядом с нашей дачей и наблюдал работу отца. Рядом с дачей Петрокино была дача художника Бодаревского, который был родственником

Екатерины Корнеевны. Бодаревский писал портреты богатых людей, любил выписывать шикарных дам.

Отец очень следил за здоровьем всех детей, беспокоился о нас. Он считал, что лечить должен один врач – педиатр. Вначале это был доктор Сульянов. Он всегда приходил к нам по первому зову и всех лечил. Когда он умер, нашим домашним врачом стал доктор Извеков. Но если случалось что-нибудь серьезное – вызывали профессоров. Так, когда тяжело заболел Михаил, к нему вызвали профессора Стражеско. Знал всех наших детей и профессор Филатов, и когда мы уже выросли, он всегда, встречая нас на улице, здоровался. Папа спрашивал: «Как Вы узнаете моих детей?», Филатов отвечал – по бровям.

музеям. Так, в 1926 г. Алешковскому художественному музею мы подарили один этюд маслом и два карандашных рисунка. 9 июня 1926 г. Одесскому музею были подарены 13 полотен кисти отца, среди них «Галки», «Портрет Князевои», «Снопы», «Синие тучи», «Гуси», «Дорога» и «Портрет художника Костанди» кисти Дмитрия Кузнецова. 16 июля 1952 г. Одесской картинной галерее были подарены шаржи одесских художников, рисунки-наброски на отдельных листках. 04 ноября того же года в Киевский музей украинского искусства были переданы письма к отцу. Среди них – 2 письма Репина, 2 – Дубовского, 5 – Пастернака, 1 – Ап. Васнецова, 11 – Бродского, 1 – Касаткина, 1 – К. Коровина, 3 – Лепетича, 2 – Браза, 1 – Эдуардса, 6 – В. Алексева, 3 – Лаховского, 5 – Во-

Дочери К.Костанди на выставке в музее, посвященной 100-летию К.К.Костанди.

Слева направо - Сима, Нюся, Люба, Мария. 1952 г.

У отца был спокойный и ровный характер, его все любили. После его смерти осталось большое количество его работ. Они были распределены между детьми, кое-что мы продали. Жилось нам нелегко, но очень большое количество его работ мы раздали разным

локидина, 3 – Феферкорна, – всего 87 писем. Приняла их Л. Членова. Туда же были отданы и газетные вырезки из архива отца. 20 января 1960 г. Николаевскому художественному музею были отданы 4 работы Эгиза, Стилиануди портрет Эгиза и этюд Костанди «Лодки».

20 мая 1962 г. в Одесский краеведческий музей было передано большое количество фотографий, дипломы и медали отца, письма и 2 этюда его работы. Херсонскому областному краеведческому музею 02 марта 1967 г. было подарено 6 работ Стилиануди. 19 апреля 1973 г. Запорожскому художественному музею подарено 4 этюда отца. 04 апреля 1975 г. Лебединскому художественному музею подарены этюды Стилиануди и женский портрет работы Эгиза. И, наконец, в 1976 г. Одесскому художественному музею мы подарили 51 рисунок отца, 29 этюдов маслом, рисунок Васильева – Костанди в гробу и рисунок Бальца «Портрет Костанди».

Еще раз хочу вспомнить художников, которые приезжали к нам на дачу. Обычно они приезжали по субботам. Чаще всех бывали Стилиануди и Эгиз. Они приезжали вдвоем, так как они были друзьями. Стилиануди приезжал также с женой. Эгиз был не женат, низкого роста, лысоват, очень любил отца. На даче ни он, ни Стилиануди никогда не рисовали. Бальц же подолгу жил у нас. Был он высоким, худым. Он был моим и Лелиным крестным отцом и, кажется, кого-то еще крестил, забыла кого. Он всегда присматривался, когда отец писал на даче. Он был и на венчании отца, а когда папа уезжал за границу, а он ездил туда трижды, то просил Бальца навещать нашу семью, чтобы у нас все было хорошо. У Бальца был спокойный и ровный характер и отец знал, что на него можно положиться. Папа всегда был рад его приходу. Я звала Бальца дядей Володей. Летом он часто бывал в Крыму и потом показывал нам свои крымские этюды. Отец не ездил далеко от Одессы, да и вообще не любил разъезжать, а писал почти исключительно окрестности Одессы, монастырь. Монахов он писал часто, потому что монастырь был рядом с дачей. Для «Сидящего монаха» позировал монах Алексеев, которого папа сбил «с пути истинного», посоветовал ему учиться живописи. Он бросил монастырь, учился в художественной школе и даже подготавливал Марусю и Лелю к гимназии. На Сочельник мама приглашала его к нам, и он разговлялся вместе с нами. Отец любил церковное пение и ходил на всенощную. Мама просила, чтобы он приходил за ней.

Хорошо помню и бывавшего у нас Нилуса. Он был высокий, узкоглазый, лицо какое-то калмыцкое, не русское. Он был очень веселым и жизнерадостным, таким веселым, как Эгиз и Стилиануди, часто рассказывал анекдоты. Приходил Нилус часто, но не каждую неделю, как Эгиз и Стилиануди. Мама выделяла его среди остальных художников. Часто за столом говорили о выставках, о разных художественных новостях. Вместе со Стилиануди иногда приходил художник Тиунов. Это был тихий, спокойный человек.

Жили мы экономически хорошо. Мама имела свои деньги, но и отец зарабатывал прилично. Когда мама выходила замуж, бабушка дала ей деньги и сказала: «Вот твои деньги, чтобы ты не смотрела в руки мужа». Мама на проценты с этих денег и покупала, что хотела, например, лодку. Отец никогда не брал мамины деньги. После смерти бабушки брат мамы взял себе все наследство. Мама судиться с братом не стала, отец ей не разрешил. А при советской власти у маминого брата все его дома были отобраны.

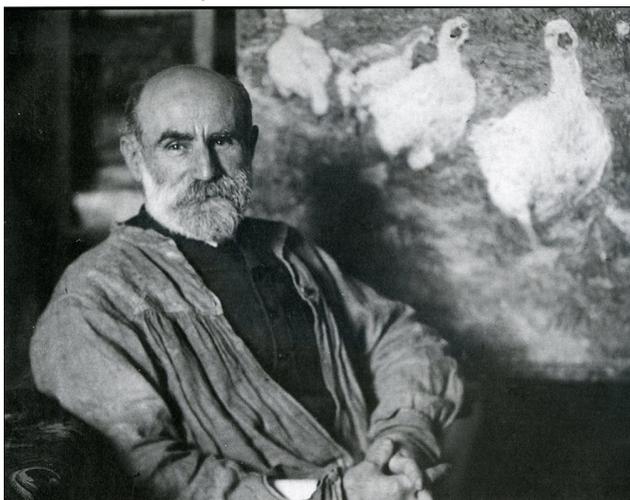
Отец был из бедной семьи, он не признавал роскоши. А мама другой раз всякое такое придумывала. Но она слушалась отца. Отец не был жадным, он был скромным во всем, и в пище тоже. Ходил он всегда в рабочей блузе, даже тогда, когда к нему приезжали гости из Петербурга. В этой его синей блузе я его и нарисовала. Было это еще до моего поступления в художественную школу.

На даче у нас бывало многолюдно, обедало иногда 15-20 человек. Многие тогда любили искусство и приезжали к отцу.

Недалеко от нашей дачи была дача писателя Федорова, и он частенько бывал у нас. Жил у нас и Куковеров. Пища была простой. Готовила кухарка, которой помогал мужчина. Он мыл полы и ходил с кухаркой на базар за провизией, нес корзину. Ходили они на базар почти каждый день. Отец около крана сажал свой салат, и каждый раз к обеду готовил салат к столу. Уксус он не употреблял, в салат употреблял лимон.

В заключение я хочу еще сказать, что отец научил нас всех честно работать, и все мы, где бы мы ни работали, трудились чест-

но, имели благодарности. Он считал, что свою работу надо любить и тогда будет все хорошо. Отец старался понять каждого из нас. Он был как бы судьей для нас. Все наши разногласия устранял он, а не мама. Несмотря на свою занятость, он вникал во все наши дела, знал всех наших друзей. Никогда он нас не наказывал, да мы и не смели его расстраивать. Детство у нас было хорошее. Мы все были удивительно привязаны к нему, значительно больше, чем к маме. И ученики его очень любили.

К. К. Костанди.

Вспоминаю похороны отца. Привезли гроб, не очень хороший, и когда Эгиз увидел его, то сказал: «Мы не должны хоронить нашего учителя в таком гробу». Он достал какие-то хорошие доски из старого шкафа и за ночь вместе с рабочими сделал хороший гроб. Когда

отца хоронили, гроб сразу отнесли в собор, а затем в художественную школу, где состоялась гражданская панихида. Народу было много, за гробом шли священники и певчие. Но несли и красные флаги, и все спрашивали, кого это хоронят. Папу знал и любил весь город. Процессия за гробом тянулась на целый квартал. Похоронили его сразу на старом кладбище, а когда там начали делать парк, то его прах, а также прах Дворникова перенесли на новое кладбище. Памятник делали художники. В мрамор были вставлены медные буквы, но во время оккупации буквы повынимали. Сейчас за могилой ухаживает брат Михаил, когда могла ходить я, то вместе с женой художника Цымпакова очень часто ходила на кладбище.

Мы все очень благодарны нашему отцу, он был для нас великим авторитетом. Достаточно было ему только посмотреть на нас, и мы все понимали. Если кто из нас уходил из дома, отец всегда ожидал его, как бы поздно мы не приходили. В прохладные и дождливые дни отец организовывал на веранде чтение вслух. Помню, как мы читали «Поединок» Куприна. Библиотека у нас была большая, были все русские и много иностранных авторов. Куда девалась библиотека, не знаю. Отец всегда знал, что мы читаем, и следил за этим. Вот таким замечательным и чутким человеком был мой отец.

Любовь Хршановская-Костанди

Алексеев Василий Митрофанович (1881 – после 1944), живописец-пейзажист. Был послушником в монастыре. Учился в Одесском художественном училище у К.К. Костанди, в Академии художеств у Н.Н. Дубовского. Позировал Костанди для картины «Сирень».

Бальц Владимир Степанович (1864-1939). Родился и умер в Одессе. Живописец-маринист. Член Товарищества южнорусских художников.

Бодаревский Николай Корнилиевич (1850-1921), живописец. Член Товарищества южнорусских художников, Товарищества передвижников.

Браз Иосиф (Осип) Эммануилович (1873-1936), живописец, график. Член Товарищества южнорусских художников, о-ва «Мир искусства» и др.

Бродский Исаак Израилевич (1883-1939), живописец, график. Учился у К.К. Костанди в Одесском художественном училище. Член Товарищества южнорусских художников.

Васильев Петр Васильевич (1899-1975), рисовальщик, живописец. Член Общества им. К.К. Костанди.

Васнецов Аполлинарий Михайлович (1856-1933), пейзажист, исторический живописец, график и театральный художник.

Волокидин Павел Гаврилович (1877-1936), живописец. Преподавал в Одесском и Киевском художественных институтах.

Вучина И.Ю., в 1874 г. – греческий консул в Одессе.

Дворников Тит Яковлевич (1862-1922), живописец, пейзажист. Член Товарищества южнорусских художников.

Дерибас Александр Михайлович (1856-1937), журналист, краевед. В 1922-24 гг. – директор Публичной библиотеки в Одессе (ныне Одесская национальная научная б-ка).

Дубовской Николай Никанорович (1859-1918). Живописец. Друг К.К. Костанди, вместе с ним учился в Академии художеств.

Касаткин Николай Алексеевич (1859-1930), живописец – жанрист, портретист, писал интерьеры.

Коровин Константин Алексеевич (1861-1939), живописец. Писал пейзажи, портреты, работал в области театрально-декорационного искусства.

Кузнецов Николай Дмитриевич (1850-1929);
Кузнецов Дмитрий Дмитриевич (1852-1921).
Живописцы – портретисты, жанристы. В их имении под Одессой в с. Степановка часто гостили и работали одесские художники.

Куковеров Николай Алексеевич (1869-1937), художник-любитель, коллекционер живописи. Врач-хирург, профессор, доктор медицины. Член Общества им. К.К. Костанди.

Лазурский Владимир Федорович (1869-1947), филолог, профессор Новороссийского университета. Первый биограф К.К. Костанди.

Лаховский Арнольд Борисович (1880-1937), живописец, график. Учился в Одесском художественном училище. Член Товарищества южнорусских художников и др.

Лепетич Николай Николаевич (1866-1921), художник-акварелист, жанрист. Учился в Одесской рисовальной школе. Член Товарищества южнорусских художников.

Машталер (Мошталева) Гаврила Архипович, художник. Участник выставок 1920-х гг., в т.ч. Общества им. К.К. Костанди.

Мормоне Иосиф Иванович (1875-1925), скульптор итальянского происхождения. Держал частную скульптурную мастерскую. Член Товарищества южнорусских художников.

Нилус Петр Александрович (1869-1943). Живописец, художественный критик, беллетрист. Член Товарищества южнорусских художников.

Пастернак Леонид Осипович (1862-1945). Жанрист, портретист. Учился в Одесской рисовальной школе.

Петрокино Евстратий Михайлович (1842-1904), меценат, общественный деятель. Был членом попечительского совета Одесского коммерческого училища. С 1875 г. супруги Петрокино были членами Одесского общества изящных искусств.

Петрокино Екатерина Корнилиевна (1852-1930), жена Петрокино Евстратия Михайловича – живописец, работала в жанре портрета. Ее работы экспонировались на различных выставках. Член Товарищества южнорусских художников. Супруги занимались коллекционированием.

Попов Александр Андреевич (1852-1919), пейзажист, жанрист. С 1885 по 1917 гг. – директор Одесского художественного училища. Член Товарищества южнорусских художников.

Репин Илья Ефимович (1844-1930), известный художник-портретист, жанрист, исторический живописец.

Синицкий Владимир Михайлович (1896-1986), живописец-пейзажист. Был женат на дочери К.К. Костанди – Елене (1895-1985).

Снежков Вячеслав Павлович (1882-1959), художник-любитель. Хирург-педиатр, профессор. Член Общества независимых художников и Общества им. К.К. Костанди.

Софья – Рашкова Софья Евзелевна (1903 – 31.03.1977), художник. Преподавала рисование в школах города. Жена Михаила Кириаковича Костанди.

Стилиануди Александр Николаевич (1868-1948), живописец-пейзажист. С 1910 г. бессменный секретарь Товарищества южнорусских художников. В 1922 г. – один из учредителей Художественного общества им. К.К. Костанди.

Тиунов Игорь Дмитриевич (1875 – после 1929), живописец. Участник выставок ТЮРХа, член Общества им. К.К. Костанди.

Федоров Александр Митрофанович (1868-1949), писатель, поэт, художник-любитель. Был экспонентом выставок Товарищества южнорусских художников.

Феферкорн Моисей Яковлевич (1889-1914), живописец, пейзажист, жанрист. Ученик К.К. Костанди. Участник выставок ТЮРХа.

Филатов Владимир Петрович (1875-1956), врач-офтальмолог. Основал и возглавил институт офтальмологии в Одессе. Теперь Институт носит его имя. Художник-любитель. Член-учредитель Общества им. К.К. Костанди.

Цымпаков Всеволод Александрович (1903-1968), живописец, график. Член Общества им. К.К. Костанди.

Членова Лариса Григорьевна (1927-2002), искусствовед, кандидат наук. Автор ряда книг по украинскому искусству. Работала в Национальном музее украинского искусства (Киев) заведующей отделом.

Эгиз Борис Исаакович (1869-1946), живописец, график. Член Товарищества южнорусских художников.

Эдуардс Борис Васильевич (1860-1924), скульптор, с 1915 г. – академик. Член Товарищества южнорусских художников.

СУДЬБА Л.В. КОСТАНДИ

Материал, предлагаемый далее, нуждается в углубленном знакомстве с родственными связями в семье К.К. Костанди, чтобы понять о ком и о чем идет речь. Следует напомнить:

родители К.К. Костанди: отец – Коста Василькети, профессиональный рыбак, утонул в море во время сильного шторма; мать – Фатима, домохозяйка. Их дети: три сына – Кириак, художник; Василий, бухгалтер на газовом заводе; третий умер рано от чахотки; две сестры – Маша и Настя.

Василий имел трех дочерей и двух сыновей. Одна дочь – врач, вторая, Ксения – учительница, судьба третьей неизвестна. Сын Юра (Георгий) преподавал математику в институте, детей не было; второй сын Леонид – военный, служил в Эстонии, комендант крепости Ревель (Таллинн). У него было два сына: Кирилл – жил во Франции, умер; Георгий – жил в г. Лисичанске Луганской обл., на Донбассе, умер в середине 1990 гг., а его сын Олег Георгиевич (внучатый племянник К.К. Костанди) в настоящее время проживает в Эстонии (г. Таллинн).

Речь пойдет о судьбе Леонида Васильевича Костанди, племяннике Кириака Константиновича Костанди. В журнале «Вышгород» (2006, № 4), изданном в Эстонии, опубликован дневник Леонида Васильевича Костанди под названием «От Ревеля до Збруча (записки офицера)». В нем описываются события начала Первой мировой войны. Это не просто личный дневник человека, свободно описывающего свои переживания, не связанного никакими обязательствами. Записи велись в уставном документе – «Еженедельный журнал воен-

ных действий», имеющем стандартную форму. Дневник охватывает период с июля 1914 по июнь 1915 г. Его внук, Олег Георгиевич Костанди, комментирует все события, описываемые в Дневнике, а также дальнейшую судьбу Леонида Васильевича, факты его биографии.

Леонид Васильевич Костанди родился 20 сентября 1883 г. в Одессе. Его отец, Василий Константинович Костанди, был скромным служащим, работал кассиром на газовом заводе (умер в 1917). Леонид Васильевич выбрал военную дорогу. По окончании Одесского 6-классного училища в 1901 г. на правах вольноопределяющегося он был зачислен рядовым в 16 стрелковый императора Александра III полк. Прослужив год солдатом, он направляется в Одесское пехотное юнкерское училище, в котором проходит первые низшие ступени военной карьеры, от унтер-офицера до портупей-юнкера. Заканчивает его в 1905 г. и получает первое офицерское звание – подпоручик. Назначение получает в 90-й пехотный Онежский полк – Прибалтика. Так Леонид Васильевич Костанди оказывается в Эстонии.

В 1909 г. он поступил в Академию генерального штаба и уехал на учебу в Петербург. Здесь он знакомится с теми военными-эстонцами, которым в дальнейшем суждено было сыграть значительную роль в истории Эстонской республики, с Й. Лайдонером и А. Ларка, оба – его однокурсники*. В 1912 г. за отличные успехи в науках подпоручик Л.В. Костанди награждается орденом Св. Станислава III степени. Вернувшись на место своей постоянной службы в Ревель, он получает под командование роту.

Но вот началась война. Л.В. Костанди встречает ее офицером генерального штаба. 17 августа 1914 г. он отличает в первом сраже-

*Лайдонер Йохан (1884 – 1953, Владимирская тюрьма), в будущем главнокомандующий эстонской армии. Ларка Андрес (1879 – 1943, лагерь, Кировская область), в будущем генерал эстонской армии.

нии и удостоен высокой награды – Георгиевского оружия. В декабре 1914 г. Л.В. Костанди получает очередное воинское звание капитана и еще ряд военных наград: ордена Св. Анны III с бантом и Св. Анны II степени, Станислава II степени с мечами. Для него война завершается через 10 месяцев, он возвращается обратно в Ревель с повышением в должности. В марте 1917 г. он в звании подполковника, начальник штаба крепости и Ревельского укрепленного района. Февральскую революцию 1917 г. он воспринимает лояльно, т.к. во время нее становится членом Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов и председателем военного комитета Ревельского Совета. Отмечали его доброжелательность и политическую интуицию. После октябрьских событий 1917 г. был арестован и какое-то время находился в тюрьме. В феврале 1918 г. он был демобилизован из армии. В период немецкой оккупации состоял на службе у Эстонского временного правительства и, выполняя его поручения, лично ездил в Петроград на переговоры по признанию Эстонской республики. Но 2 июля 1918 г. его арестовывают немецкие оккупационные власти и уже 4 июля депортируют в Россию, где идет гражданская война. После высылки Л.В. Костанди, бывший подполковник генерального штаба, оказывается в Москве. Здесь во Всероссийском главном штабе он командирится в гидрографическую экспедицию западносибирского района Северного Ледовитого океана. Он не был морским офицером и не был знаком с гидрографией. Судя по всему, это была первая советская арктическая экспедиция, т.к. декрет о ее финансировании подписан В.И. Лениным. Возглавлял ее капитан первого ранга Б.А. Вилькицкий**

В конце июля 1918 г. Л.В. Костанди оказывается в Архангельске. И уже в октябре – в Белой армии Северного фронта. Та же судьба постигла и руководителя экспедиции Б.А. Вилькицкого. Время, крайне неустойчивое, ставило человека в положение, когда выбора у него фактически не было. Находясь в Белой армии, Костанди занимал заметные должности – начальника канцелярии Управления главнокомандующего

войсками Северной области, потом начальника Военного Мурманского края. На этом посту он проводит успешную военную операцию против Красной армии. Последняя его должность – начальник оперативного отделения Штаба главнокомандующего Белой армии Северного фронта.

С февраля 1920 г. начинается распад белого движения: вспыхивают солдатские бунты с убийствами офицеров и бесчинствами, солдаты покидают позиции – белогвардейская оборонительная линия рассыпается. Командующий Белой армией на Севере генерал Е.К. Миллер и с ним еще около 800 человек 19 февраля 1920 г. на ледоколе «Козьма Минин» покидают Архангельск.

Л.В. Костанди остается в Архангельске. На фоне бегства самого Главнокомандующего, его позиция была самоубийственной. Однако в тот период у многих еще сохранились иллюзии по отношению к советской власти. В мужестве Леониду Васильевичу трудно отказать. Но были, конечно, и личные мотивы. В Гатчино его должны были ждать жена, Надежда Федоровна, и дети. В последний момент она с детьми уехала в Ревель, оказавшись, таким образом, в эмиграции. С приходом красных войск в Архангельск полковник Костанди официально был отстранен от должности. В марте 1920 г. Л.В. Костанди в числе других, еще находившихся на свободе офицеров, был арестован и посажен в Архангельскую губернскую тюрьму. В конце марта всех офицеров отправили в Москву. Здесь их (в том числе и Костанди) поместили в Бутырскую тюрьму, а затем во внутреннюю тюрьму ВЧК (Лубянка, 2). Долгое время о судьбе Леонида Васильевича ничего не было известно.

В комментарии Олега Георгиевича, внука Леонида Васильевича, указано: «В ответе Центрального архива ФСБ от 24.06.2005 г. на мой запрос о судьбе Л.В. Костанди сообщается, что в его уголовном деле есть сведения о том, что “постановлением Президиума ВЧК от 4-5 и 21 февраля, с дополнениями от 1 апреля 1921 года к Л.В. Костанди применена высшая мера наказания – расстрел”». В приговоре он обвиняется в том, что “длитель-

** Вилькицкий Борис Андреевич (1885-1961), российский гидрограф, исследователь Арктики, контр-адмирал (1919).

ное время являлся врагом советской власти и большевизма».

О Л.В. Костанди вспомнили в Эстонии через два года после его гибели: появились два некролога в газетах, в том числе в «Последних известиях», который публикуется ниже в переводе с эстонского языка О.Г. Костанди.

Можно добавить, что обвинения, предъявленные Л.В. Костанди на следствии ВЧК, были сняты через 70 лет. Решением Генеральной прокуратуры России от 14 февраля 2001 г. он посмертно реабилитирован.

Л.В. Костанди. Фото

ЗАПОЗДАЛЫЙ НЕКРОЛОГ

Таллиннцам хорошо известно имя полковника Костанди, расстрелянного, как недавно сообщалось, в 1921 году в России. Поскольку в наши руки случайно попал документ ЧК, в котором идет речь о полковнике Костанди, то у нас есть повод немного остановиться на фигуре этого человека. В документе говорится следующее:

«Совершенно секретно. Иностранный отдел ВЧК. ВЧК сообщает, что гражданин Ле-

онид Васильевич Костанди был арестован в марте 1920 года и обвиняется в контрреволюционной деятельности, состоявшей в публикации за его подписью воззвания, призывающего к сплочению сил для борьбы с “тьмой большевизма”. На воззвании он был сознательным противником советского правительства и большевизма. В своих показаниях штабс-капитан Григор показал, что полковником Костанди в Архангельске подписан смертный приговор 14 лицам, поднявшим восстание против белых. Принимая во внимание вышеприведенные обстоятельства, Костанди решением ВЧК приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 1 апреля 1921 года».

Этот документ подписан начальником иностранного отдела ЧК, кровожадным чекистом латышом Петерсом, заслугой которого, наряду с Дзержинским, является большая часть выносимых в России смертных приговоров.

Так как Костанди, бывший начальник штаба Таллиннской крепости, в дни возникновения нашей республики состоял на службе у высших наших кругов и выполнял поручения эстонского правительства, считаем своим долгом в несколько запоздавшем некрологе, посвятить ему следующие строки.

Грек по рождению, он в предвоенные и революционные годы, выделяясь своими личными незаурядными способностями и духовными качествами, занимал важное место в местном русском обществе. Находясь на службе в Онежском полку, он первым, после 13-летнего перерыва, поступил в Академию генерального штаба. Интересно, что на 13 лет раньше из Онежского полка в Академию генерального штаба попал будущий генерал Хендриксон, который осенью 1917 года, занимая должность начальника сухопутного фронта Таллиннской крепости, своим судьбоносным для Эстонии приказом остановил реквизицию скота.

Приведем некоторые наиболее существенные факты, объективно освещающие и оценивающие деятельность Костанди.

В начале создания нашей армии весной 1917 года, перед Пасхой, делегация Эстонии посетила Костанди как начальника штаба Таллиннской крепости. Он тут же от себя послал телеграмму в Петербург, в которой он посчитал

желательным расположить 1-й Эстонский полк в границах крепости, и в дальнейшем его всячески поддерживал. Тем самым первая помощь к нам пришла от Костанди. Из-за недоразумений с крайними революционными течениями и после отправки Первого полка в Таллинне скопилось около 1000 человек, прибывших сюда поздними эшелонами и поодиночке. На этот раз не было ни полка, ни другой воинской части, где можно было бы их разместить, ни денег на их пропитание, поскольку средств центральному комитету постоянно не хватало. Костанди очень помог нам выбраться из сложившегося положения: он дал помещения и выделил из бюджета коменданта деньги на содержание солдат. Из них был в дальнейшем сформирован 3-й Эстонский полк только по приказу начальника штаба Костанди, утвержденному как «распоряжение коменданта крепости», без какого-либо иного разрешения.

После роспуска немецкими оккупационными властями эстонской армии Костанди, по поручению Эстонского Временного правительства, ездил в Петербург на переговоры с Советскими властями о признании Эстонской Республики. Разумеется, эти шаги были предприняты Костанди не из какой-либо осо-

бой симпатии к эстонскому народу. Главную роль здесь играла деятельность члена комитета по организации эстонской армии Константина Пятса, тогдашнего прапорщика мобилизационного отдела Таллиннской крепости, лично повлиявшего на Костанди, который поддержал наши эстонские дела.

Но тут же нельзя не отметить доброжелательность и широкую политическую интуицию Костанди, которые выделяли его из тогда власть имущих. Оглядываясь на первые дни нашей независимости, мы не можем не помянуть добром тех, кто вольно или невольно оказал нам свое содействие.

«Пязвалехт». 1923. № 134

Перевод О.Г. Костанди

Итак, открылась новая страничка, повествующая о судьбе еще одного Костанди – Леонида Васильевича, племянника Кирика Константиновича Костанди. Талантливый профессиональный военный с трагической судьбой. Одессит, наш земляк – он честно жил, оставаясь верным своим убеждениям, принципам и идеалам, и отдал свою жизнь в дни суровых испытаний Первой мировой войны и революции 1917 г. в России.